

Н. Л. Пушкарева

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

КРУПНЫЕ РОССИЙСКИЕ ГОРОДА КАК МЕСТО РОЖДЕНИЯ ИДЕИ ГЕНДЕРНОЙ СИММЕТРИИ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ (1830-1950-Е ГГ.)

Долгим и трудным был путь женщин в науку¹. В некоторых странах он занял даже не десятилетия, а полтора-два столетия. Мне хотелось бы привлечь внимание к истории российской науки. Она своеобразна: поздно зародилась (в некоторых областях знания, особенно естественно-научного, - не ранее конца XVII - начала XVIII в.), но быстро развивалась и постоянно использовала результаты научно-технического прогресса других, соседних, европейских стран.

Это имело и свои плюсы, и свои минусы. К плюсам можно отнести высокую скорость развития науки в России в течение почти 2 веков – с начала 18-го до большевистской революции начала 20 века, а к минусам – ту форму отношений между научным сообществом и государством, которая сложилась после распоряжения императора Петра Великого от 8 февраля 1724 года. По нему Российская академия наук сразу же оказалась (и навсегда) зависимой от воли правителя государства и от власти как таковой. Если власть чего-то хотела – это реализовывалось. Если была противницей чего-либо – «пробить» это было почти невозможно. Так вышло и с женским присутствием в науке...

Через полвека после создания Российской академии наук (1724) - параллельно с нею, начала работать Российская академия словесности (с 1783 г.). Между тем, 18 век в истории России был особым веком «российского матриархата»: государством на протяжении почти 70 лет правили женщины (вдовы, регентши, полноправные императрицы). Власть в лице женщины захотела увидеть женщину же во главе науки: распоряжение о создании Академии словесности было подписано императрицей Екатериной II Великой, а возглавила ее образованнейшая женщина, которой восхищался сам Вольтер, княгиня Екатерина Дашкова. Ей, в частности, принадлежит слава обретения русским языком буквы «ё» (до этого этот звук писался двумя буквами - ю, так что и моя фамилия в старой транскрипции писалась и произносилась бы как «Пушкарюва»).

С тех пор, как Екатерина Дашкова стала в январе 1783 года не просто членом, но и Председателем Российской академии, последняя просуществовала самостоятельно недолго. После смерти Екатерины Великой (1796) и Екатерины Дашковой (1810) прошло всего 25 лет и «малая академия» в виде простого Отделения русского языка и словесности влилась в «большую Академию». С тех пор ни женщин во главе ее не

¹ Поддержано грантом РГНФ 11-01-00283а

было, ни стремления увеличить их количество среди тех, кто в Академии на ключевых позициях, тоже не наблюдалось.

Основная (или большая) Академия с 1836 года получила название Императорская Санкт-Петербургская Академия Наук. С середины 19 века она остается высшим научным учреждением нашей страны. До 1918 г. Академия находилась в Санкт-Петербурге, после революции 1917 г. – в Москве. Санкт-Петербург (он же Ленинград), Москва и – вновь распоряжением высшей государственной власти, Постановлением правительства СССР 1957 года - Новосибирск (как центр Сибирского отделения Академии наук) – были и остаются крупнейшими научными центрами нашей страны. Более 80% научных институтов находятся в этих трех городах, что свидетельствует о большой неравномерности распределения научных ресурсов в России.

Много ли женщин за неполные 3 века существования Академии наук попало в ряды ее действительных членов и членов-корреспондентов? Насколько большие города способствовали рождению гендерной симметрии и преодолению неравенства в доступе к профессии? Мне хотелось бы познакомить слушателей с некоторыми фактами и именами и этой страницей истории русской культуры.

Первым шагом к овладению профессией ученого была для женщин России – как и во многих других странах Европы – борьба за доступ в высшему образованию. Поначалу женщины «образованного сословия», получив недурственное домашнее образование и желавшие стать учеными, вызывали у своих современников-мужчин лишь хохот. Но прошло всего 20-30 лет, и образ ученой женщины, пусть даже и носящей на голове капот, перестал быть смешным. Из книг по истории женского образования мы знаем, как в столичных городах, а затем и в небольших провинциальных, десятки женщин захотели слушать лекции в университетах, но совместное посещение университетских занятий мужчинами и женщинами было тогда в России запрещено. Для россиянок путь в науку был путем самообразования: в 1860-е, в годы буржуазных реформ, сотни дам и девиц появились в залах Публичной (Санкт-Петербург) и Румянцевской библиотек (Москва) и работали там с утра до вечера.

Распространенной формой обучения женщин были и “летучие университеты” на частных квартирах: там читались бесплатные лекции ведущими профессорами и преподавателями. На улицах крупных городов конца 50-х гг. XIX в. появились стриженные молодые женщины в темных свободных платьях с белыми воротничками, с книгами и тетрадами в руках, часто в синих очках. Короткие стрижки, очки, темные одежды были элементами их протестного костюма: синие очки они, например, надевали, чтобы подчеркнуть свой пессимистичный взгляд на мир и будущее, от которого ничего хорошего не ждали. Они не спешили выходить замуж, и к ним быстро прилепилось клеймо «синий чулок». «Синий чулок... чёрт знает что! Не женщина и не мужчина, а так, ни то, ни сё... Никогда бы не женился на ученой...» - это отношение к женщинам-ученым легко прочитывается в рассказе Антона Чехова

«Розовый чулок» (1886). Однако пренебрежительно к «ученым женам» к концу XIX в. относились лишь ретрограды. Быть либерально-мыслящим членом интеллектуальной элиты значило выступать за получение женщинами высшего образования в университетах, выбирать профессию и в том числе профессию научного работника.

Получив базовые знания благодаря самообразованию в библиотеках, амбициозные россиянки отправлялись за дипломами в Европу. Там первые российские женщины-ученые и получили свои первые докторские степени. Пионеркой была Надежда Суслова (сестра Аполлинарии Сусловой, возлюбленной Достоевского). В 1867 г университет города Цюрих вручил ей диплом доктора наук за исследование структуры лимфы. Далее последовали ее сестры по научной деятельности: Мария Бокова (Сеченова) – Цюрих – 1871- офтальмолог, Софья Ковалевская – Геттинген – 1874 – математик, Юлия Лермонтова – Геттинген – 1874 - химик-технолог. Вместе с докторскими дипломами все они привозили назад в Россию новые убеждения, либеральные настроения и, помимо вклада в развитие науки, вносили вклад в развитие типично урбанистического явления – женского движения.

Однако одно дело – получить диплом и совершенно другое – сделать научную работу смыслом и содержанием своей биографии. Среди представительниц гуманитарных дисциплин немало тех, кто составил славу российской науке этого времени – и одновременно принес славу своим городам.

Среди них, например, имя графини Прасковьи Уваровой (1840-1924) - профессора археологии. Она была второй (после Екатерины Дашковой) женщиной, избранной действительным членом Петербургской Академии наук за выдающийся вклад в дело организации Всероссийских археологических конгрессов. При том, что она была необыкновенно хороша внешне (и стала прообразом Кити Щербацкой из романа Льва Толстого Анна Каренина), она была скрупулезным исследователем, автором около 200 научных работ...

Как правило, те, кто (после долгих мучений) доходил до защиты и получения диплома, уже не сворачивал с избранного пути: слишком он был тернист и слишком значимо было исполнение желаемого. Конечно, женщин, продолжавших занятия наукой в начале XX века, были единицы. Но именно их научный вклад позволил родиться самой идее гендерной симметрии в этой профессии. Перед революцией 1917 года серьезные социально-политические и социально-экономические изменения, введение совместной формы обучения мужчин и женщин в вузах продвинули дело тех, кто боролся за гендерное равноправие в России. Но они не смогли сломить складывавшиеся веками гендерные стереотипы.

«Кому нужны эти полки ученых женщин? Даже при небольшом, сравнительно, контингенте ученых женщин уже теперь более половины из них остается без дела, за неимением на них спроса...» - так полагал издатель журнала «Гражданин», публицист крайне правых взглядов князь Владимир Мещерский. Благодаря таким, как он, даже накануне 1917 года женщины в России все еще не имели свободы в выборе профессии, в том числе профессии научной сотрудницы.

Разрушить старые ментальные установки и призвана была революция. После нее крупные города стали центрами ускоренной реализации идей женской эмансипации. Освобождение женщин понималось большевиками как их включение в сферу профессионального труда, научного в том числе. Объявленное в Конституции 1918 г. гендерное равенство выразилось в призыве к женщинам пополнить число занятых и в Академии наук. Если до 1917 г. лишь 10% россиянок имели доступ к научной деятельности, то за 40 лет число женщин-ученых выросло в России в 5 раз.

Своеобразие российской истории 20 века - это стремительная ломка старых традиций и громадный численный рост «ученых из народа» (поскольку это реализовывало идеологический запрос). Эти женщины, ставшие учеными не благодаря многопоколенной семейной традиции, а благодаря революционной волне, поднявшей их из бесправия к новой жизни, - обусловили своеобразие статуса представительниц академического сообщества в нашей стране. Власть захотела – и появились женщины-ученые «из народа»: начиная с 1918 г. при университетах создавались особые «рабочие факультеты» (рабфаки), на которых 60% мест резервировалось для женщин.

Правда, впоследствии «уйдя в науку», женщины-научные работницы так и не составили большинства в списочном составе научных учреждений. Как правило, они принимались на работу для выполнения (в основном) вспомогательных, обслуживающих большую науку функций (составления картотек, мытья пробирок, описания экспериментов). Тем не менее, очевидно, что 1930-е гг. стали временем *первой волны* феминизации науки в СССР.

Это же было время и появления первых женщин членов-корреспондентов РАН и академиков. Лина Штерн (биофизика), Ольга Добиаш-Рождественская (филология, медиевистика), Ревека Левина (экономист-аграрник), Надежда Пигулевская (византолог-сириолог), Ольга Каплан-Подвысоцкая (медик-дерматолог). Практически все они сделали стремительную научную карьеру, внесли огромный вклад в свою дисциплину, были избраны членами-корреспондентами и даже академиками, а потом пострадали от сталинских репрессий. Кто-то из них был восстановлен в своих званиях после того, как сталинщина закончилась и они вернулись из лагерей...

Между тем, в 1940-е годы эвакуированные на период войны из Москвы и Петербурга научные учреждения создали основу для развития научной жизни в городах Зауралья. Вместе с эвакуированными предприятиями, научные учреждения создавали рабочие места для женщин и втягивали местных образованных интеллигенток в научную деятельность. Это подготовило *вторую волну* феминизации российской науки, которая пришлась на конец 1950-х гг., когда возник новый ареал научных школ и практик, научной мысли и типичной для развития науки академической независимости – Новосибирский. Число университетских городов после революции 1917 года быстро росло, но научная жизнь развивалась лишь в нескольких крупнейших городах, прежде всего в столице и Ленинграде. Именно там работали и отдельные представительницы новой советской науки, сумевшие

защитить вторые (докторские) диссертации. Единицам удалось достичь даже академического Олимпа.

Однако после Второй мировой войны в середине (а особенно к концу 1950-х г.), когда началось создание новых научных центров на Востоке страны, женщины отправились за тысячи километров от Москвы «поднимать науку» за Уралом.

С 1957 г. (дата основания Академгородка под Новосибирском) туда отправлялись иногда замужние, вместе с семьями, иногда – одинокие, ища счастья на новом месте. Создание после Второй мировой войны нового научного центра в России – в Новосибирске – стало предпосылкой появления значительного числа женщин в НИИ. Среди них и самая известная из современных женщин-действительных членов Академии наук – академик Татьяна Заславская (экономика).

Таким образом, обзор 150-летней истории русской науки показывает, что ранняя история науки в России (как и в иных странах) была историей мужчин. Но процесс рождения гендерной симметрии тесно связан с городской жизнью: как в средние века «городской воздух делал свободным», так и в новое и новейшее время сохранилась эта тенденция. Ускоренная урбанизация России в 19 – начале 20 века сопровождалась увеличением числа учебных заведений, в которых женщины могли получать образование (в том числе высшее), равно как именно в городах прежде всего создавались рабочие места для тех, кто его получил. Первые русские женщины-ученые работали в крупных университетских городах, где зародилось российское *женское движение* – явление, сопровождавшее ускоренную урбанизацию во всей Европе и США.

Борьба россиянок за доступ к высшему образованию была не только фактом, доказывающим рост их социального самосознания, но и важнейшей предпосылкой научной деятельности тех, кто выбрал науку как форму самореализации. Как ни трудно было найти себе применение первым российским женщинам-ученым, получившим степени за рубежом, они вошли-таки в историю русской науки.

Своим примером они сделали немало, в том числе – создали основу и традицию той научной самоотверженности, которой отмечена жизнь первых женщин-ученых при Советской власти.

Таким образом, нет сомнения в том, что женское движение (феминизм), урбанизация и развитие науки неотделимы – как в прошлом, так и в настоящем. Отдельные яркие женские научные судьбы влияют на образ жизни и устремления «обычных» горожанок, идея гендерной симметрии в науке связана с пониманием необходимости гендерного равенства в городском социуме в целом.